Глава 2: Восемь признаков Рождения и Жизни

Увидев, что человек, который пришел, был слеп, все с облегчением вздохнули.

“Этот человек пришел в нужное время. Будучи прорицателем, он, наверное, знает обычаи, и подскажет как присягнуть братству”, сказала Чу Хуайжоу.

“Ха-ха, желаешь съесть черепаху и свежая черепаха сама пришла к тебе”, с улыбкой сказал Толстяк.

Услышав голоса людей, разговаривающих в храме, слепой остановился: “друзья, вы позволите мне войти внутрь и укрыться от дождя?”

“Вы не сможете найти укрытие в другом месте, если будете идти дальше. Так что просто заходите”. Лу Пинцюань сказал это, стараясь, чтобы его голос звучал по-взрослому.

“Спасибо”, поблагодарил слепой. Он продолжал стучать по земле своей деревянной тростью. Войдя в главный зал, он пошел ощупью от входа и сел, опершись на восточную стену.

В зале горел костер, и при его освещении каждый смог хорошо разглядеть внешность этого человека. Он был невысокого роста, в его внешности не было ничего необычного. Хотя его глаза были закрыты, но каждый мог ясно разглядеть, что его глаза поблекли и исказились. Наверное, из-за того, что он круглый год странствовал, его цвет кожи стал очень темным, и на его лице были запечатлены тяготы путешествия.

Одежда слепого человека вся промокла. Сев, он снял со спины мешок и полез в него рукой. Он достал из него сменную одежду, пару старой обуви, там были даже некоторые предметы гадания. В дополнение к этому, там был бумажный пакет, а внутри него две лепешки.

Слепой взял кусок хлеба и поднес его ко рту, а потом стал медленно жевать.

Все время, сколько они жили здесь, было много случаев, когда нищие и попрошайки приходили сюда за помощью. Поэтому они не сильно заботились о внешнем виде этого слепого. Кроме того, слепой уже показал всем содержимое своего багажа, чем вызвал их недоверие. Вскипятив немного воды, Нань Фэн передал чашку слепому, который поблагодарил его, доев свой хлеб.

Вернувшись на свое место, Нань Фэн снова посмотрел на слепого. До этого, когда он отдавал ему воду, он заметил, что зубы у слепого были очень аккуратными, на них не было ни одного признака присутствия зубного камня. Это противоречило здравому смыслу. Не говоря уже о 50-летних людях, даже 30-летние молодые люди редко имеют такие хорошие зубы.

После того, как слепой человек доел хлеб, Лу Пинцюань подошел, чтобы спросить о обычаях, касающихся присяги братству. Слепой ответил ему. Человек говорил с нормальным темпом, ни слишком быстро, ни слишком медленно. Слова были четко сформулированы, между ними не было пауз, и он говорил с легкостью.

Получив инструкции от слепого человека, все стали действовать соответственно. Лу Пинцюань взял Мо Ли, чтобы найти ароматические палочки и желтую бумагу. Нань Фэн отправился вместе с Толстяком, чтобы принести петуха. Все эти действия, по сути, были воровством. Естественно, принести петуха также означало кражу, поскольку у них не было денег.

Когда Нань Фэн и Толстяк вышли из храма, снаружи все еще шел дождь, но он уже

прекращался.

“Дай мне глоток”. Толстяк протянул руку к Нань Фэну.

“Чего?” ляпнул Нань Фэн.

“Вина”, на лице Толстяка была мольба.

Нань Фэн махнул рукой, “осталось мало, оно потребуется для произнесения клятвы”.

“Всего один глоток”. Толстяк продолжал умолять его.

Нань Фэн покачал головой.

“Мы братья, которые сталкиваются с испытаниями и бедами вместе, и ты не позволяешь пить мне вино?” Толстяк попробовал спровоцировать его.

Нань Фэн проигнорировал его и пошел в восточном направлении по главной дороге.

Толстый больше не просил пить. Он был очень подавлен, и меланхолично следовал за ним.

Пройдя всего несколько десятков шагов, Нань Фэн остановился и достал из-за пазухи флягу: “обещай мне, только один глоток”.

Толстяк охотно пообещал и протянул руку, чтобы схватить ее.

Увидев что Толстяк не стал пить через горлышко, а открыл крышку фляги, Нань Фэн поспешно протянул руку, чтобы забрать ее, но было слишком поздно. Тот уже сделал большой глоток.

Нань Фэн потряс флягу с вином, которого осталось немного на ее дне.

Увидя, что Нань Фэн начинает злиться, Толстяк попытался успокоить его, “я сдержал свое обещание, я сделал только один глоток”.

Нань Фэн в очередной раз потряс флягу с вином, и определил, что в ней не осталось даже глотка для одного человека. Он в очередной раз небрежно сунул ее Толстяку, “поздно, мы пойдем отдельно. Ты украдешь петуха, а я пойду и раздобуду еще одну”.

“Хорошо, хорошо”. Толстяк бодро взял флягу, “Ладно, а что ты и Чан Ли обсуждали во время еды?”

“ Кажется Чан Ли, чем-то очень озабочен, но когда я спросил его об этом, он отказался рассказать мне”, сказал Нань Фэн, покачивая головой.

Толстяк кивнул, вторя ему, как попугай, “этот парень не слишком хорошо себя вел. Пока тебя не было, Хозяйка Чу попыталась дать ему лекарство, но он в гневе выбил из ее рук чашку”.

“Я спрошу его об этом позже, когда придет время,” Нань Фэн остановился и, посмотрев налево и направо, сказал: “я пойду на Юг, и мы встретимся здесь позже”.

Толстяк махнул рукой и зашагал в восточном направлении.

Вино было, по сути, сварено из зерна, и в это время, когда был его дефицит, оно, естественно, было роскошью. Таверны и постоянные дворы строго приглядывали за вином, и было очень

трудно украсть его из ящиков. Вино в ящиках не было целью для Нань Фэна. Они всегда находились рядом с их собственником, там всегда кто-то был рядом, нельзя было есть траву на чужой территории. Однако, все посетители отеля заказывали вино в номер, и это было не такой уж большой проблемой украсть его.

Поздней осенью уже было холодно, и дождливый день усиливал это ощущение. Постояльцы гостиницы в основном пили, чтобы согреться. Примерно через полчаса, Нань Фэну удалось это сделать. Для нищих, воровство было навыком для добычи средств к существованию, одно попрошайничество привело бы давно к голоду.

Когда он вернулся на место встречи, Толстяк уже ждал его, с верхней одеждой без подкладки на его плече.

Когда они вернулись по той же дороге обратно к разбитому храму, Лу Пинцюань и Мо Ли уже были там. Пространство перед идолом уже было освобождено. Клятва Дружбе являлась большим событием, и все в храме пошли в его заднюю часть, чтобы умыться водой с фляги.

После возвращения в разбитый храм, все посмотрели на Лу Пинцюаня. Он еще раз взглянул на слепого, который сидел у стены в стороне, и обратился к нему за советом: “мистер, пожалуйста, сделайте нам одолжение и дайте нам пошаговые инструкции”.

Старый слепой человек уже прилег, но, услышав слова Лу Пинцюаня, с помощью рук он снова сел, опираясь на стену, “Присяга Братству является важным событием в жизни каждого. По обычаям ритуала, церемония требует подношения трех животных, пяти культур, заявления восьми символов дат рождения, рассказа о всей своей жизни, клятвы на книге молитвы, и жертвоприношения, чтобы сообщить небесам и земле”.

После того, как слепой старик закончил говорить, все с тревогой посмотрели друг на друга.

“Мистер, можно сделать это как-то проще?”, спросил, нахмурившись Лу Пинцюань.

“Вы думаете, что присяга братству это шутка?” Слепой старик покачал головой.

Лу Пинцюань продолжил говорить: “мистер, у нас всех уже есть такое чувство братства. Сегодня это только вопрос формальности”.

Слепой старик сразу не ответил, и, помолчав некоторое время, он сказал, “тогда со старшим с левого края, постройтесь по старшинству слева направо и встаньте на колени перед идолом”.

После его слов, все стали на колени, Чу Хуайжоу была первой с левого края, потом стоял Лу Пинцюань и Толстяк третий после них. С самого конца правого края был маленький мальчик по имени Мо Ли, второй справа был добытчик вина Нань Фэн, и третьей справа была немая девочка.

“Чан Ли давай быстрее”. Лу Пинцюань поманил Чан Ли, который сидел на деревянном столбе в главном зале.

Чан Ли взглянул на него и покачал головой.

Лу Пинцюань сердито зыркнул на него и, повысив голос, сказал: “Давай быстрее становись на колени”.

Глядя на разозлившегося Лу Пинцюаня, Чан Ли сказал, внутренне сжимаясь, “я не хочу

впутывать вас всех”.

“Что за чушь ты несешь?” Лу Пинцюаня сердито посмотрел на него.

“Чан Ли, быстро иди сюда,” Чу Хуайжоу подозвала его к себе, “мы все одна семья, мы все причастны к этому”.

Он посмотрел на Чу Хуайжоу, потом снова посмотрел на гневного Лу Пинцюаня, и на каждого из своих товарищей. Он тут же встал и подошел, чтобы встать на колени между Толстяком и немой девочкой.

“Четко сформулируйте свои восемь признаков рождения и жизни”. Голос слепого звучал со стороны Южной стены.

“Клан Чу, имя Хуайжоу, Бин У И Сы И Вэй Чоу Ши (□□□□□□□□), 14 лет, уроженка села Линси округа Цинань”. Чу Хуайжоу была первой, кто заговорил. Из-за того, что она умылась раньше, ее внешний вид был сравнительно лучше. У Чу Хуайжоу было овальное лицо с нежными и мягкими чертами, что заставляло чувствовать каждого дружелюбие к ней.

“Фамилия Лу, имя Гэн, величаемый Пинчуань, Бин У Бин Цзы Шу Инь Цзы Ши (□□□□□□□□), 14 лет, сын оценщика Лу Чжэнцзяня храма в префектуре Да Ли.

“Старший Брат, нужно ли мне все это говорить?” Толстяк выжидательно повернул голову влево.

Лу Пинцюань повернулся, чтобы посмотреть на слепого прорицателя: “мистер, мы все сироты, некоторые даже никогда не видели своих биологических родителей, не говоря уже о восьми символах рождения, они даже не знают их имен, как они смогут перечислить все это”.

“Как хочешь”, сказал вскользь слепой прорицатель. Клятва этих паршивцев для него была превращена в фарс.

“Толстяк, 13 лет, кажется, родился в округе Лин, должно быть в четвертый месяц”, сказал Толстяк. Мужская полнота или худоба зависит в основном от генов. Толстяк был очень пухлым с детства, но его скелет не был маленьким. Хотя он был толстым, но он не был низкого роста, причем глаза у него были очень большие, в них только не хватало сообразительности.

“Гунсунь Чан ли, 13 лет, родился в полдень восемнадцатого дня шестого месяца”, сказал Чан Ли. Хотя он был еще молод, но черты его лица уже определились и по сравнению с Лу Пинцюанем они были более жесткими, у него были более высокие скулы и выдающиеся надбровия.

Большеглазая немая девочка не могла сказать ни слова, так что она по-прежнему тревожилась. Нань Фэн показал ей жестами, что может говорить от ее имени, и она несколько раз кивнула.

Нань Фэн откашлялся и, указывая в сторону немой, громко сказал: “у нее тоже нет имени, мы называем ее Большеглазая, ей тоже 13 лет”.

Тот факт, что она не могла слышать голос не означал, что она не могла понищать по движениям губ. Немая посмотрела с благодарностью на Нань Фэна, и, когда Нань Фэн повернулся, чтобы улыбнуться ей, она поспешно отвела взгляд.

“12 лет назад я был оставлен у внешней двери храма и меня спас его Дядюшка, который увидел меня. В тот день, когда меня подобрали дул Южный ветер, так что мне дали имя Нань Фэн (Южный ветер), сказал Нань Фэн.

“К счастью, в тот день был не Северо-западный ветер”. Сказал, скривившись Толстяк.

Лу Пинцюань зыркнул на Толстяка, и сказал “Мо Ли, теперь говори ты”.

“Мое имя Мо Ли, раньше у меня был кусок нефрита, на нем были выгравированы слова Мо Ли, но у меня больше его нет. Несколько лет назад Толстяк заболел и старший брат заложил его, сказав, что он впоследствии выкупит и вернет его обратно. Ну правильно, мне восемь лет”. Мо Ли был еще молод, и он не мог должным образом изъясняться.

После того, как все закончили говорить, слепой прорицатель еще раз открыл рот и произнес, “клянись”.

“Повторяйте за мной”, Лу Пинцюань оглядел всех, ожидая, когда все кивнут в ответ, прежде чем произнести громким голосом, “на Небесном Своде, сегодня нас семь братьев и сестер, и с этого момента мы будем наслаждаться благословением и преодолевать все невзгоды вместе”.

“Зажгите палочки на бумаге”, сказал слепой.

Все встали и начали сжигать фимиам на бумаге.

“Обмажьте губы кровью”, продолжал говорить слепой.

Не все поняли смысл сказанного, но Лу Пинцюань и Чу Хуайжоу поняли. Чу Хуайжоу посмотрела на Толстяка, “принеси петуха, которого ты поймал”.

Вина было немного, так что налили только одну чашу. Сделав это, Лу Пинцюань поторопил Толстяка, “что ты возишься, принеси его”.

“Старший Брат”. Толстяк стоял за дверью, у него было немного странное выражение.

“Ты придушил его?” спросил Лу Пинцюань.

“Нет, он все еще жив”, сказал Толстяк.

“Тогда чего же ты ждешь, быстро давай его сюда”.

“Он, он, было темно и там не было освещения, я плохо видел.....” Толстяк не решался подойти из-за испуга.

“Он, должно быть, схватил утку”, сказал с усмешкой Нань Фэн.

“Просто это курица.....”.

Так как Толстяк чувствовал себя неловко, слепой прорицатель нашел решение проблемы“, так как среди вас есть женщины, курицу тоже можно использовать”.

Услышав эти слова, Толстяк вошел, держа в руках курицу.

Лу Пинцюань вынул кинжал из-за пояса и надрезал ей шею. Кровь закапала в чашу. Он присел и дал сделать глоток Мо Ли, после чего выпил Нань Фэн, и, когда все закончили пить, он

повернулся и разбил чашу с оставшимся вином, “если наши мысли и убеждения не будут едины, то братство будет разбито, как эта чаша.....”.

<http://tl.rulate.ru/book/3475/102095>